

К ИСТОРИИ ОДНОГО АНОНИМНОГО ПЕРЕВОДА:
РОМАН А. Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»
В ХРЕСТОМАТИИ ДЛЯ ЭСТОНСКИХ
ШКОЛЬНИКОВ XI КЛАССА¹

ЛЕА ПИЛЬД

Вслед за территориальной аннексией независимой Эстонии, осуществленной СССР в июне 1940 г., началась, как хорошо известно, серьезная перестройка системы школьного образования, внедрение в преподавание школьных дисциплин официального идеологического канона. Одну из специфических проблем как для Министерства просвещения ЭССР, так и для образованной в 1947 г. Секции переводчиков при Союзе писателей Эстонии представлял перевод учебных пособий с русского на эстонский язык.

В нашей статье пойдет речь о том историческом периоде, который начался в середине 1947 г. и закончился со смертью Сталина в марте 1953 г. В это время усилились репрессии, направленные против людей искусства — композиторов, художников, писателей, которые были объявлены «буржуазными националистами»², «формалистами» или «космополитами». Как показали историки Андрес Касекамп и Тоомас Карьяхярм [Karjahärm: 142–177], в 1944–1947 гг. советизация жизни в Эстонии проходила в относительно умеренных формах; здесь не проводилась пока коллективизация сельского хозяйства, а политические репрессии были направлены, в первую очередь, против движения сопротивления:

¹ Статья написана в рамках институционального гранта IUT34-30 Tõlkeideoloogia ja ideoloogia tõlkimine: kultuuridünaamika mehhanismid Eestis vene ja nõukogude võimu tingimustes 19.–20. sajandil / Ideology of Translation and Translation of Ideology: Mechanisms of Cultural Dynamics under the Russian Empire and Soviet Power in Estonia in the 19th – 20th Centuries.

² О феномене «местного национализма» и «эстонском деле» 1949–1952 гг. см.: [Зубкова: 300–320].

Несмотря на мощную волну политических арестов, власти непосредственно после войны, в 1944–1947 гг., были еще относительно терпимы к нормам и обычаям Балтийских государств, так как строительство партийного аппарата и органов безопасности, а также подавление лесных братьев требовало времени. Но уже в 1947–1953 гг. репрессии начались с новой силой, так как целью советской власти была не простая военная оккупация, но полная советизация всех аспектов <...> жизни Балтии [Касекамп: 228].

Начиная с 1947 г., партийные функционеры, контролировавшие сферу образования, стали обращать гораздо больше внимания на политическую лояльность эстонских литераторов, на их деятельность как в период эстонской независимости, так и во время Второй мировой войны.

Объектом пристального внимания Министерства просвещения стали и переводы пособий по русской литературе, авторами которых зачастую были известные эстонские поэты и прозаики³. Прежде чем попасть в печать, перевод учебника или хрестоматийного текста проходил обязательное рецензирование. Идеологическому надзору подлежал сам способ перевода, приветствовалась, как и можно предположить, близость к русскоязычному оригиналу, а не отдаление от него. Однако как именно понимать близость к тексту-источнику, местные функционеры осознавали не очень хорошо, тем более, что конкретные инструкции из Москвы по этому вопросу в министерство и в секцию переводчиков в конце 1940-х гг., по-видимому, не поступали⁴.

Переводы учебно-педагогической литературы были, как правило, анонимными, поэтому для определения авторства этих работ необходимо обращаться к архивным материалам, либо идентифицировать переводчиков по более ранним публикациям тех же произведений в периодике или отдельными изданиями. Так, например, нам удалось выяснить, что переводы произведений русских символистов В. Брюсова и А. Блока в «Хрестоматии» А. Дубовикова и Е. Северина для XI класса [Dubovikov, Severin], вышедшей в 1949 г., принадлежали Йоханнесу Семперу, комиссару Народного просвещения в июньском правительстве 1940 г., писателю и переводчику, занимавшему с 1946 г. пост председателя правления Союза писателей ЭССР.

Одновременно с двухтомной «Хрестоматией» был издан переводной учебник «Современная литература для XI класса» [Timofejev], автором

³ О механизмах советизации перевода в советскую эпоху см., напр.: [Witt; Friedberg]. Об особенностях советизации перевода в Эстонии см.: [Lange, Monticelli; Monticelli; Torop].

⁴ Процесс конструирования «советской школы перевода» в конце 1940-х гг. лишь начинался (см. об этом статью С. Витт в настоящем издании).

которого был Л. И. Тимофеев, известный теоретик литературы и блоковед, занимавший с 1941 г. должность заведующего отделом советской литературы в ИМЛИ АН СССР. По этим трем учебным пособиям эстонские учащиеся XI класса должны были знакомиться с современной советской литературой.

В «Хрестоматии» был помещен ряд постановлений коммунистической партии и советского правительства, в частности, «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» 1946 г.; речи А. Жданова, М. Горького, А. Н. Толстого и др.; художественные произведения А. Блока, В. Брюсова, В. Маяковского, М. Горького, А. Фадеева, М. Шолохова, А. Н. Толстого и целый ряд других текстов, вошедших в советский литературный канон; биографические данные о современных советских писателях, а также сочинения писателей народов СССР. Во вторую часть «Хрестоматии» вошли интересующие нас переводные отрывки из третьей книги романа А. Н. Толстого «Петр Первый», где шла речь о событиях Северной войны, в частности, о взятии русским царем крепости города Нарва. Повествование об Алексее Толстом и его творчестве в переводном учебнике Тимофеева занимало по количеству страниц следующее место после Горького (см.: [Timofejev: 222–285, 372–388]), а один из разделов был прямо посвящен интерпретации романа.

Учебник и оба тома «Хрестоматии» были сданы в набор в январе 1949 г., однако издание второго тома в издательстве «Педагогическая литература»/“Pedagoogiline Kirjandus” было приостановлено, книгу подписали к печати лишь в августе 1949 г. Причины этого промедления обнаруживаются при обращении к «Протоколам собраний Правления секции переводчиков Союза писателей ЭССР» за 1949 г., которые хранятся в Эстонском национальном архиве [ERA].

В архиве находим письмо, датированное 12 января 1949 г. и адресованное Правлению секции переводчиков Союза писателей ЭССР (председателем правления был писатель Рудольф Сирге). Оно было прислано главным редактором издательства «Педагогическая литература» Густавом Рейалом и содержало просьбу рассмотреть переводы фрагментов из романа А. Н. Толстого «Петр Первый»:

Juuresolevalt esitab RK “Pedagoogiline Kirjandus” läbivaatamiseks Tolstoi “Peeter I” III köite katkendeid, mida kirjastus kasutab Dubovikov-Severini “Kaasaegne kirjandus XI kl”. Haridusministeeriumi poolt on esitatud sm. L. Ojamaa tõlge (käsi-kirjana) ja veergudes on F. Tuglase tõlge, mis ilmub RK “Ilukirjandus ja Kunsti” väljaandel. (Veergudes on korrektuur tegemata). Palume Sektsiooni arvamust nimetatud tõlgete kohta [Там же: 7].

Как следует из письма, один из переводов принадлежал начинающей переводчице Л. Оямаа (Lii Ojamaa), другой — талантливому прозаику, народному писателю ЭССР с 1946 г., бывшему председателю Союза эстонских писателей в независимой Эстонии Фридеберту Тугласу⁵.

Первая книга романа Толстого в переводе Тугласа уже была к этому времени опубликована в издательстве «Художественная литература и искусство»/“Lukirjandus ja Kunst” [Tolstoi 1948], здесь же готовились к печати вторая и третья книги [Tolstoi 1949]⁶. Как следует из приведенного письма, второй, альтернативный, перевод фрагментов романа для «Хрестоматии» был специально заказан Министерством просвещения Эстонии другому переводчику, так как министерские чиновники не были удовлетворены переводом народного писателя. Последовавшее обсуждение двух переводов в Секции переводчиков и в эпистолярном диалоге Правления Союза писателей Эстонии с Министерством просвещения дают возможность проследить, как формировалась переводческая стратегия художественных текстов с русского на эстонский язык в 1940-е гг., какие институции участвовали в этом процессе, и какие из складывающихся установок закрепились в русско-эстонском художественном переводе советского времени. Уточним, что вопросы, обсуждаемые в переписке эстонских писателей и министерских чиновников в конце 1940-х гг., относятся не только к переводу учебно-педагогической литературы, а, несомненно, и к стратегии эстонского художественного перевода советского времени в целом.

В архиве сохранилась рецензия на перевод Фр. Тугласа. Ее автор — известный эстонский педагог и методист Йоханнес Кяйс⁷, редактор журнала «Советская школа»/“Nõukogude Kool”, который будет скоро обвинен в буржуазно-националистических взглядах в связи с публикацией статей, вышедших первым изданием в период независимой Эстонской Республики [EE].

Рецензент рассматривает только первую страницу перевода Тугласа, делает выписки, комментирует их и приходит к выводу, что перевод является «неполным» и «неверным» (“tõlge on puudulik ja vigane”) [ERA: 13]. Кяйс полагает, что перевод должен быть «точным», т. е. буквальным (в терминологии М. А. Гаспарова Кяйс оказался невольным сторонником «дилетантского буквализма» [Гаспаров]). Ряд примеров, которые приводятся в качестве образцов «ошибочного» перевода, дополнены собственными

⁵ Фр. Туглас занимал этот пост в 1922–1923-е, 1925–1927-е, 1929–1930-е и 1937–1939-е гг.

⁶ О переводе романа см. нашу статью в настоящем издании.

⁷ О педагогической деятельности Й. Кяйса см.: [Käis].

переводами рецензента, где он стремится указать талантливому писателю и тонкому стилисту «правильный подход» к тексту-источнику. «Подход» демонстрирует, что рецензент имеет весьма туманные представления о механизмах перевода; он считает необходимым транскрибировать исторические реалии, передавать дословно лексику, а также калькировать без изменения порядка слов синтаксические конструкции и фразеологические формулы:

<...> люди новые, — те, что по указанию царя Петра: — «знатность по годности считать» — одним талантом своим выбились из курной избы....

tõlge hoopis segane: — uued inimesed, — need, kelle seisust tsaar Peetri otsust mõõda “siitpeale oskuse järgi arvestatakse” — kes üksnes oma andekuse varal suitsutarest väljusid, ...

Peaks olema: “... uued inimesed, need, kes tsaar Peetri juhtnööri kohaselt: “siitpeale arvestada aristokraatlikkust kõlvulisuse järgi” — üksnes oma talendi abil rabelesid suitsutarest välja <...>” [ERA: 13];

ср. также:

Negomorski on lk 1 — “ettevõtja”, lk 2 — “varustaja”. Õigem on podrätsik (подрядчик)

Ja need kõik vead esinevad ühelainsal leheküljel. Põgus vaade edasisele tõlkele näitab, et kogu käsikiri on täis vigu ja ebatäpsusi. Seepärast pean käsikirja vastuvõetamatuks [Там же: 14; подчеркивание принадлежит автору рецензии].

Пер.: И все эти ошибки встречаются на одной единственной странице. Беглый взгляд, брошенный на следующие страницы перевода, показывает, что вся рукопись полна ошибок и неточностей⁸.

«Точность» переводов рецензента грубо нарушает стилистическую структуру самого текста-источника. Кяйс или не видит или намеренно не обращает внимания на то, что и в переводе, и в самом повествовании Толстого присутствует просторечная и разговорная лексика, что текст Толстого ритмизован и насыщен лексическими и морфологическими повторами, сложно инструментован с фоностилистической точки зрения, и что Туглас, хотя и не полностью, но передает и учитывает целый ряд особенностей оригинала. Скорее всего, рецензент просто выполнял заказ министерства, подразумевавший с самого начала вполне однозначный результат.

Возможно, Кяйс транслировал в своей рецензии конкретную прескриптивную установку эстонского министерства — сохранять в переводе

⁸ Перевод с эстонского здесь и далее, а также курсивы в цитатах принадлежат мне. — Л. П.

по возможности все особенности оригинального произведения, максимально приближая школьников к тексту-источнику.

28 января 1949 г. состоялось собрание Правления секции переводчиков Союза писателей ЭССР. Члены правления заранее ознакомились с переводами обоих авторов и единогласно постановили, что заказанный министерством перевод является «сухим», «грубым» и далеким от оригинала Алексея Толстого.

Особое внимание на обсуждении было уделено передаче топонимов и антропонимов в переводе Оямаа. В протоколе говорится:

Ei saa õigeks pidada L. Ojamaa mitte-vene kohanimede tarvitamist vene keeles esineval kujul, näit: Revel pro Tallinn, Jurjev pro Tartu, Vesenberg pro Rakvere, Keksholm pro Käkisalmi, Embachi jõgi pro Emajõgi, Tšudskoje järv pro Peipsi järv. Kuid rööbiti sellega leiab L. Ojamaa võimalikuks anda Ust-Narovsk edasi eestipäraselt Narva Jõesuu. Kurioosne on Ivan Julma asemele kasutada Ivan Groznõi [ERA: 2].

Пер.: Нельзя считать правильным использование в переводе Л. Оямаа нерусских названий географических объектов, употребленных в русском оригинале, напр.: Ревель про Таллинн, Юрьев про Тарту, Везенберг про Раквере, Кексхольм про Кякисальми, река Эмбах про Эмайыги, Чудское озеро про озеро Пейпси <...> Странно заменять эстонское наименование Ивана Грозного транскрипцией.

Вопрос о транскрипции или собственно переводе географических наименований был, конечно, принципиальным для министерских чиновников, с одной стороны, и для эстонских писателей, — с другой. В переведенных фрагментах романа шла речь о завоевании Петром Первым территории Эстонии. Сохраняя эстонские названия географических объектов, переводчиквольно или невольно наводил эстонского школьника на мысль о насильственном присоединении здешних территорий. Ср. в переводе Тугласа:

“Ja samuti saadan ma traguneid Tallinna teele <...>”; “Meie vabatahtlikud tunginud otse Narva väravate ette, võtsid öösel kinni Tallinna kubeneri saadiku <...>” [Dubovikov, Severin: 43];

Ning oli ilma sõnadetagi selge, et Schlippenbachi korpuse Narva laskmine tähendas loobumist peakindluste Narva ja Tartu omandamisest <...> [Там же: 44].

Ср. у Толстого:

А также посылаю драгун по *ревельской* дороге <...>; Охотники наши, побравшись к самым воротам Нарвы, ночью захватили посланца от ревельского губернатора к нарвскому коменданту Горну <...> [Толстой: 475];

И без слов было понятно, что пропустить корпус Шлиппенбаха в Нарву — значило отказаться от овладения главными крепостями — Нарвой и Юрьевом <...> [Толстой: 475].

Возможно, именно поэтому министерство настаивало на транскрипции, т. е. приближении перевода к исходному тексту. Наименования географических объектов, как и имена исторических деятелей, с точки зрения министерства, подлежали транскрипции (точному воспроизведению звуковой формы слова), этот принцип требовал унификации и распространялся, по словам министра, также на переводные учебники истории. Министр просвещения Арнольд Рауд в письме от 8 февраля 1949 г. к Правлению Союза писателей Эстонии указывал на конкретные идеологические нюансы «неверного» перевода имен российских исторических деятелей:

Nähtavasti ei ole Teie vaevaks võtnud oma väljendust kontrollida ajalooõpikute (Šestakov, Pankratova)⁹ järgi ja ei tea seda, et hüüdnimi “Groznoi” ei ole tõlgitav, samuti kui näiteks Ivan Kalita, Juri Dolgoruki jt. “Groznoi” ebaõiges tõlkimises “Julmana” (julm=жестокий) tuleb näha kodanlusaegete ajaloolaste ja kirjanike tendentsi halvustada Ivan IV tegevust. See lubamatu viga mõjuks õpilastesse desorienteeruvalt [ERA: 12].

Пер.: Вероятно, Вы не удосужились сверить свое выражение с учебниками истории (Шестаков, Панкратова) и не знаете, что прозвище «Грозный» непереводимо, как, например, Иван Калита, Юрий Долгорукий и др. В ошибочном переводе «Грозный» как «Жестокий» (julm=жестокий) следует усматривать тенденцию, порочащую деятельность Ивана IV и характеризующую историков, а также писателей буржуазного времени. Эта недопустимая ошибка дезориентировала бы учеников.

Из приведенного фрагмента письма министра становится ясно, что переводчика, неугодного министерству, пытались обвинить в буржуазно-националистических взглядах.

Второе принципиальное возражение Правления секции переводчиков министерству касалось общего отношения переводчика к языку и стилю романа Толстого. Перевод Тугласа признавался более профессиональным, чем перевод Оямаа, так как в нем сохранялось своеобразие исходного тек-

⁹ Подразумеваются переводные учебники по истории СССР, изданные под редакцией А. В. Шестакова (впервые на эстонском языке учебник вышел в 1940 г.: Nõukogude Sotsialistlike Vabariikide Liidu ajalugu / Toim. A. Šestakov. Tallinn. Pedagoogiline Kirjandus) и А. М. Панкратовой (первое издание на эстонском языке вышло в том же году: NSVL ajalugu. A. Pankratova toimetusel. Tallinn. Pedagoogiline Kirjandus, 1940).

ста и, кроме того, перевод характеризовался как удобочитаемый и «более народный»:

Sisuliselt on mõlemad tõlked õiged, kuid sel ajal, kui Tuglase tõlkes on säilitatud kirjanduslik stiil, teose keele arhailisus ja autori omapära, L. Ojamaa tõlkes on teose sisu antud edasi täpselt sõnasõnalt, arvestamata seejuures eesti keele sõnavara, ning autori omapärane mahlakas keel ja väljendusvormid on täiesti kaduma läinud, kõnesolevale teosele omane keele arhailisus on asendatud moodsa sõnavaraga, tõlge on puine ja raskesti loetav [ERA: 1].

Пер.: По содержанию оба перевода верны, но в то время как в переводе Тугласа сохраняются литературный стиль, архаизированность языка и своеобразие манеры автора, то в переводе Л. Оямаа содержание произведения передано буквально, слово в слово, без учета лексического запаса эстонского языка, а сочный, своеобразный язык автора, присущий ему стиль, бесследно исчезли; характеризующая данное произведение архаичность языка заменена современной лексикой, перевод — негибкий, неудобочитаемый.

Оба отмеченных критерия («народность» языка и удобочитаемость переводного текста) свидетельствуют о том, что секция переводчиков считала приоритетным текст перевода. Текст должен быть понятным, в первую очередь, его читателям — эстонским школьникам 11-го класса.

Так, в выступлении председателя секции, прозаика Рудольфа Сирге, вновь вернувшегося к вопросу о переводе эстонских топонимов, особо выделена мысль о языке переводной хрестоматии по современной советской литературе:

Mis puutub kohanimede kirjutamisse, siis teose katkendis, mis on määratud eesti keele lugemiku jaoks ja puudutab eesti olusid, ei sobi niisugused nimetused nagu “Tšudskoje järv”, “Embachi jõgi” jne. [Там же: 3]

Пер.: Что касается написания географических наименований, то для отрывка, который предназначен для эстоноязычной хрестоматии, и где идет речь об эстонских местных условиях, не подходят такие <транскрибированные> названия, как «Чудское озеро», «река Эмба» и т. д.

Несмотря на то, что министр просвещения Рауд выразил несогласие с позицией секции переводчиков и правлением Союза эстонских писателей, в «Хрестоматии» 1949 г. был опубликован перевод Фр. Тугласа, а не Л. Оямаа. Как показывает проведенное нами сопоставление текстов отдельного издания романа «Петр Первый» и фрагментов из школьной «Хрестоматии», текст последней почти ничем не отличается от текста книги, в переводе сохранены эстонские названия географических объектов (правда, имя Ивана Грозного все же транскрибировано, а не переведе-

но). В письме председателя секции переводчиков от 12 марта 1949 г., адресованном Министерству просвещения, утверждается, что правление секции остается при своем мнении, считая приоритетной литературную ценность перевода:

Vastuseks Teie kirjale Nr. 150-4, 8.II 49 A. Tolstoi "Peeter Esimese" tõlke asjus teatab ENKL Tõlkijate sektsiooni juhatus, et ta ei ole tõlgete hindamisel silmas pidanud kaalutlust, kas tõlkija kuulub sektsiooni liikmete hulka, või mitte, vaid on lähtunud ainult tõlke kirjanduslikust väärtusest, ses suhtes aga jääb sektsiooni juhatus Teie vastuväidetele vaatamata oma endiste seisukohtade juurde ja peab edaspidiseid vaidlusi ülearuseks. Tõlkijate sektsiooni esimees [ERA: 25];

Пер.: В ответ на Ваше письмо № 150-4 от 8 февраля 1949 г. по вопросам перевода «Петра Первого» А. Толстого Правление секции переводчиков Союза писателей ЭССР сообщает, что при оценке переводов Правление не учитывало, являются ли переводчики членами секции. Правление руководствовалось критерием литературной ценности перевода, и в этом вопросе, несмотря на Ваши возражения, Правление остается при своем прежнем мнении, считая дальнейшие споры излишними.

В архиве находим также связанный с интересующей нас проблематикой ответ Рудольфа Сирге на запрос издательства «Педагогическая литература», как следует переводить на эстонский язык словосочетание «художественная литература», дословно или в соответствии со сложившейся в эстонской литературной культуре традицией.

Особенности перевода формулы «художественная литература» в ответе председателя секции от 12 марта 1949 г. были определены с использованием риторики дискурса о «формализме»¹⁰, а также известного сталинского высказывания, определяющего социалистическую культуру:

Vastuseks Teie kirjale Nr. 223, 19.II. 49 teatab ENKL Tõlkijate sektsiooni juhatus, et senini tarvitusel olnud sõnal "ilukirjandus" on täiesti väljakujunenud, selge tähendus. Asendada see sõnaga "kunstiline kirjandus" on küsimusele vormalise lähene-mise katse, mis ei vasta nõukogulikule vaimulaadile ega ole ka õigustatud sisult sotsialistliku, vormilt rahvusliku printsiibi kohaselt [Там же: 26].

Пер.: В ответ на Ваше письмо № 223 от 19 февраля 1949 г. правление секции переводчиков Союза писателей ЭССР сообщает, что слово "ilukirjandus"¹¹, находившееся до сих пор в употреблении, имеет полностью сформировавшееся,

¹⁰ Дискурс о «формализме» начал складываться в советской официальной и публицистической риторике еще в 1930-е гг. и получил широкое распространение во второй половине 1940-х гг. в связи с кампаниями против «формализма» и «космополитизма» [Витт]. См. об этом также в ее статье, опубликованной в настоящем издании.

¹¹ Ilukirjandus — изящная литература.

яное значение. Заменить его словосочетанием *kunstiline kirjandus*¹² — это попытка формального подхода к вопросу, она не соответствует советскому духовному складу и не является оправданной с точки зрения социалистического по содержанию и национального по форме принципа.

Таким образом, дискуссия о «точном» и «вольном» переводе, завязавшаяся между Союзом писателей и Министерством просвещения в конце 1940-х гг., дошла до опасной черты: председатель секции переводчиков прямо намекал, что министерство, настаивающее на дословном переводе не только отдельных выражений, но и всего текста, могло получить со стороны высших партийных властей обвинение в «формализме» и несоответствии основным принципам социалистической по содержанию и национальной по форме культуры сталинской эпохи¹³.

Изложенное выше позволяет прийти к следующим выводам:

Во-первых, позицию Министерства просвещения по вопросам репрезентации эстоноязычной версии романа Толстого «Петр Первый» в школьной хрестоматии можно рассматривать как начало репрессий, направленных против прозаика Фр. Тугласа, которому в 1950 г. на VIII, мартовском пленуме Эстонской компартии будет предъявлено обвинение в «буржуазном национализме»; решением пленума его исключают из Союза писателей и лишат звания народного писателя ЭССР; его оригинальные сочинения будут находиться под запретом до 1954 г., а его фамилия как переводчика будет тщательно закрашиваться в печатных изданиях черной тушью (см.: [Olesk; Karjahärm]).

¹² *Kunstiline kirjandus* — художественная литература.

¹³ О том, что мера «точности» в художественном переводе с русского языка стала в конце 1940-х гг. предметом особой (внутренней) дискуссии в секции переводчиков, свидетельствует письмо известной переводчицы художественной литературы с английского и русского языков Марты Силлаотс. Она обратилась в правление секции и предложила «во избежание ненужных споров» обсудить книгу А. В. Федорова «О художественном переводе», вышедшую в Ленинграде в 1941 г. Привожу текст письма от 5 февраля 1949 г.: “Tõlkesektsiooni juhatausele. Et vältida asjatuid vaidlusi puhtkutsealaste küsimuste üle, soovitan korraldada paar loengut A. Fedorovi teose “O hudozhestvennom perevode” tutvustamiseks neile tõlkijatele, kes selle teosega ei ole veel tutvunud. Raamat on saadaval Avalikust Riiklikust Raamatukogust. Lugupidamisega, M. Sillaots” [ERA: 10]. В своей книге Федоров исходит из понятия текста как смыслового целого и отстаивает принцип сочетания «функциональной» и «буквальной» точности в переводе: «Точность функциональная иногда требует отклонения от точности буквальной, формальной. Весь вопрос в условиях, при которых такое отклонение необходимо или же, напротив, должно быть избегнуто. Цель всякого рода приближений к букве и форме оригинала, равно как и отклонений от них, в принципе должна быть одна — соответствие оригиналу как сложному целому, к передаче которого необходим глубоко диалектический подход» [Федоров: 15]. О позиции Федорова — теоретика перевода в переводоведческих дискуссиях конца 1940-х см.: [Витт].

Во-вторых, дискуссия об особенностях перевода хрестоматийного текста — одна из примечательных попыток эстонских писателей и переводчиков воспротивиться властным структурам и отстоять свое мнение о статусе эстонского языка в переводных произведениях с русского. Отметим, что речь идет о переводе современного советского текста, канонизированного в советской литературе и тем самым уже ставшего классическим. Стратегия перевода, реализованная Тугласом в эстоноязычной версии романа Толстого, станет общепринятой и распространится на переводы из русской классики XIX в. у других переводчиков. Во многом благодаря позиции Тугласа-переводчика основным принципом перевода уже в 1940-е гг. становится принцип «функционально-смыслового» подобия оригиналу, а не «точное» соответствие ему. Подчеркнем, что таким способом переводчики пытаются избежать тотальной советизации литературной культуры и сохранить ту традицию художественного перевода классики, которая укоренилась в переводной литературе в эпоху эстонской независимости (1920–1930-е гг.).

В-третьих, внимание к языку перевода учебно-педагогической литературы будет сохраняться у эстонских лингвистов, переводчиков и критиков перевода на протяжении всех последующих десятилетий советского периода. В эпоху «оттепели» в критике перевода речь пойдет уже не просто об удобочитаемости учебно-педагогической литературы, а о высокой культуре переводческого стиля (см., напр.: [Kindlam]), в котором неприемлемым станет не только калькирование или пословный перевод, но отсутствие у переводчика гибкого языкового мышления.

Литература

ERA: ERA. R-1765. N. 1. S. 38. EN Kirjanike Liidu Tõlkesektsiooni juhatuse koosoleku protokollid. Kirjavahetus kirjastustega, ministeeriumidega ja kirjanikega tõlkesektsiooni puutuvates küsimustes. 28.01.1949–10.10.1949.

Витт: *Витт С.* Концепт «советская школа» перевода — дитя позднего сталинизма // Второй всесоюзный съезд советских писателей (1954). Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы: Сб. ст. СПб., 2016.

Гаспаров: *Гаспаров М.* Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М., 1988.

Зубкова: *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008.

Касекамп: *Касекамп А.* История балтийских государств. Тарту, 2014.

Толстой: *Толстой А.* Петр Первый: Роман в трех книгах. М., 1947.

Федоров: *Федоров А.* О художественном переводе. Л., 1941.

EE: Johannes Käis / http://entsyklopeedia.ee/artikkel/k%C3%A4is_johannes (Дата обращения: 27.11.2017).

Dubovikov, Severin: *Dubovikov, A.; Severin, J.* Kaasaegne kirjandus: Lugemik keskkooli XI klassile. II osa. Tallinn: Pedagoogiline Kirjandus, 1949.

Friedberg: *Friedberg, M.* Literary Translation in Russia. A Cultural History. The Pennsylvania State UP, 1997.

Karjahärm: *Karjahärm, T.* Kultuurigenotsiid Eestis: Kirjanikud (1940–1953) // Acta Historica Tallinnensia. Tallinn, 2006. Nr 10.

Kindlam: *Kindlam, E.* Keelekultuur ja keskkooliõpikute keel // Keel ja Kirjandus. 1961. Nr 12.

Käis: Koolile pühendatud elu. Johannes Käis 1885–1950 / Koost. F. Eisen. Tallinn, 1985.

Lange, Monticelli: *Lange, A.; Monticelli, D.* Tõlkelised ebakõlad totalitarismi monoloogis: Järjepidevused, katkestused ja varjatud konfliktid Nõukogude Eesti tõlkeloo // Keel ja Kirjandus. 2013. Nr 12.

Monticelli: *Monticelli, D.* Translation under Totalitarianism. Soviet Estonia, Johannes Semper and Translation History // Новый Проте́й. Харків, 2015. Вып. 1.

Olesk: *Olesk, S.* ENSV Kirjanike Liit ja EK(b)P KK kaheksas pleenum // Looming. 2002. Nr 10.

Timofejev: *Timofejev, L.* Kaasaegne kirjandus: Õpik XI klassile. Tallinn: Pedagoogiline Kirjandus, 1949.

Tolstoi 1948: *Tolstoi, A.* Peeter Esimene / Tõlk. Fr. Tuglas. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1948.

Tolstoi 1949: *Tolstoi, A.* Peeter Esimene / Tõlk. Fr. Tuglas. Tallinn: Ilukirjandus ja Kunst, 1949.

Torop: *Torop, P.* Tõlkesund // Kohandumise märgid. Tallinn, 2002.

Witt: *Witt, S.* Between the Lines: Totalitarianism and Translation in the USSR // Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia. Benjamins Translation Library. 2011. 89 (12).